

— Он просто неправильно понял ситуацию? — Хирузен спросил медленно, стараясь понять, — Микото рассказала тебе о клане Кушины?

Саске кивнул, все еще стоя.

— Она сказала, что их всех убили из-за того, какие они опасные, — Саске опустил голову, его руки сжались в кулаки, — Наруко совсем одна, последняя из своего клана, — прошептал он.

Хирузен почувствовал, как все кусочки пазла сложились. Саске протянул руку к Наруко, потому что она была сиротой, выжившей из клана, как и он. И она была дочерью лучшей подруги его матери, ещё одной живой связью с тем, что он потерял.

В этом не было ничего зловещего, только маленький мальчик, который был одинок и искал дружбы.

— Значит, ты понимаешь, почему это держится в секрете? — Хирузен подыграл, — Секрет не должен выйти наружу.

— Но почему деревенские ненавидят Узумаки? — спросил Саске, — Что они сделали не так? Что сделала маленькая девочка, чтобы заслужить это?

Хирузен чувствовал, как каждое слово проникает в него, напоминая ему о том, как он не смог сохранить тайну Наруко как Джинчурики.

— Узумаки имели свою деревню, — мягко сказал Хирузен, удерживая свои мысли, чтобы не уйти в сторону, — Кушина изначально не была из Конохи.

Саске оставался тихим, обдумывая это, его руки все еще были сжаты.

— Потому что она не «одна из нас», — Саске нахмурился, резко опускаясь в кресло.

Хирузен почувствовал облегчение от того, что Саске не знал о статусе Наруко как Джинчурики, но его любопытство вызывало некоторое беспокойство. Может ли он, возможно, копаться в делах, в которые ему еще не следует вмешиваться? Итачи настаивал, чтобы он не знал, чтобы ненависть не укоренилась против Конохи.

Он всего лишь хочет помочь другу, который не заслуживает презрения. Я могу поговорить с Наруко о ее матери и немного о её клане. Это пойдет ей на пользу.

Когда Саске, казалось, успокоился после раздражения, он взглянул на Хирузена ровным взглядом, не показывая своих мыслей.

— Почему я здесь в первую очередь, сэр?

Хирузен понял, что они сбились с пути, главным образом из-за почти сердечного приступа от мысли, что Саске знает о статусе Наруко как Джинчурики.

— Ты великолепно справляешься с Ирёниндзюцу, — ему не нужно было лгать об этом, — Могу честно сказать, что кроме моего собственного Сенсея, Первого Хокаге и моей ученицы Цунаде, я не видел, чтобы кто-то так же хорошо справлялся с ирёниндзюцу, как ты.

Искра чего-то вспыхнула в глазах Саске от этого провозглашения, что-то, что Хирузен узнавал во всех своих учениках в разные времена.

Гордость.

Саске гордился этим.

— Но ты достиг предела в своем прогрессе, не так ли? — Хирузен поднял бровь, хорошо зная о том, что прогресс Саске в улучшении своих навыков замедлился до более сложной формы.

Можно было достичь лишь определенного прогресса в ирёниндзюцу. В отличие от упражнений по контролю чакры и большинства форм тренировок с преобразованием природы, ирёниндзюцу требовало более практического подхода к обучению.

Цунаде имела особое преимущество в виде дневника своего деда, который она могла читать, а также поддержку клана на каждом этапе, надеясь получить второго Хашираму в лечении.

Саске нахмурился и кивнул на его вопрос, тяжело выдохнув.

— Ты бы возражал против обучения в больнице под руководством младшего Ирёнина? — Хирузен предложил то, что он знал, что Саске примет. — Это поможет твоему обучению.

Саске, к его удивлению, даже не подумал, прежде чем ответить.

— Да, — быстро ответил он, его тихое и обычно сдержанное поведение исчезло при предложении прогресса в лечении.

Хирузен почувствовал, как тень усмешки грозит появиться на его лице.

— Тогда рад сообщить, что твоя первая встреча состоится в следующую субботу в 8:30 утра.

Саске кивнул и взглянул на дверь, затем снова на него.

— Еще одна вещь, и ты можешь идти, — Хирузен достал из ящика написанную от руки книгу, кожаная обложка которой была слегка потрескавшейся. — Это одна из многих книг, написанных моей ученицей Цунаде. Ты можешь взять её, если хочешь.

Брови Саске практически исчезли в волосах, шок казался волнами исходящим от него.

— Что? — с трудом вымолвил Саске, глядя на предложенную книгу, как на бесценное сокровище.

— Цунаде тоже хотела лечить людей, — мягко улыбнулся Хирузен, вспоминая пламенную, но добрую девушку, которую он взял в ученицы, — Я вижу в тебе много общего с ней.

Надеюсь, Саске можно будет направить так, как когда-то Цунаде, до того, как она потеряла близких.

Отвлечение Саске от исключительно боевой подготовки могло бы легко предотвратить его превращение в пропавшего ниндзя в поисках Итачи в будущем. Погружение в тренировки уже негативно сказывалось на молодых шиноби в прошлом, часто с пагубными последствиями.

Это помогало Саске и Конохе, удерживая его занятого в основном положительным искусством. Он пока не знал о более опасных аспектах.

Молодой Учиха медленно взял книгу из рук Хирузена, держа её так, словно нёс новорожденного.

— Я обязательно сохраню её в безопасности и верну вам, когда закончу, сэр, — Саске поклялся, медленно поворачиваясь к выходу.

Когда он направился к выходу, Хирузен вспомнил кое-что, что, вероятно, Саске думал, что держит в секрете.

Он пробудил свой Шаринган.

Хирузен не сомневался, что Саске не любит смотреть людям в глаза после того, как Итачи его пытал, но очки, которые он часто носил, скорее всего, скрывали его активированные глаза, чтобы копировать вещи.

Также помогло то, что Ину заметил, как Саске уронил что-то на кухне и поймал это почти до того, как оно начало падать, точно так же, как это делал Ину, когда привыкал к своему имплантированному Шарингану.

Саске был удивительным перспективным шиноби, который, казалось, находился в тени своего брата. Но теперь Хирузен видел потенциал.

Если Саске сохранит хотя бы полупозитивный настрой, укрепленный становлением медицинским ниндзя, Сарутоби Хирузен видел потенциал для С-рангового шиноби.

Обычные С-ранговые были чрезвычайно искусными и способными изменить ход целых сражений. Но С-ранговые Учиха были чем-то другим.

Фугаку вселял страх во время Третьей войны, и Хирузен видел яркое будущее в лице Учиха Шисуи и Учиха Итачи.

Тёмная лошадка Учиха Саске была единственной оставшейся...

Но это было нормально.

До тех пор, пока оставалась одна искра, можно было зажечь огонь надежды.

С этой позитивной мыслью Хирузен вернулся к завершению последних нескольких бумаг, прежде чем пойти домой, довольный успехом в помощи мальчику, названному в честь его отца.

<http://tl.rulate.ru/book/110075/4268430>